

Бажанов Денис Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена
dom-hors@mail.ru

**РУССКИЕ МОРЯКИ НА БЕРЕГУ:
ДОСУГ КАК ФАКТОР
МАРГИНАЛИЗАЦИИ
ГЕЛЬСИНГФОРСА ЛЕТОМ 1917 Г.**

Аннотация:

Статья посвящена одной из существенных характеристик, определяющих боевой дух, готовность переносить строго регламентированную повседневную военную службу, – свободному времени. Этой проблеме на Балтийском флоте уделялось традиционно мало внимания в годы Первой мировой войны. В ходе революционного процесса досуг продолжал оставаться индикатором настроений и боевой готовности личного состава кораблей.

Ключевые слова:

революция 1917 г., повседневность, досуг, преступления, маргинализация, матросы, Балтийский флот, Гельсингфорс.

Bazhanov Denis Alexandrovich

PhD in History,
Assistant Professor of
the Russian History Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia
dom-hors@mail.ru

**RUSSIAN SAILORS ON THE SHORE:
LEISURE AS A FACTOR OF
HELSINGFORS' MARGINALIZATION
IN SUMMER OF 1917**

Summary:

The article is concerned with an essential feature that describes morale, ability to live a strictly regulated life during military service, which is a leisure time. Traditionally, this problem was under poor consideration at the Baltic fleet during the World War I. And during the Revolution the leisure continued to indicate attitude and fighting efficiency of the ships' crews.

Keywords:

Revolution of 1917, daily routine, leisure, crime, marginalization, sailors, the Baltic Fleet, Helsingfors.

Летние месяцы 1917 г. в Гельсингфорсе ознаменовались, судя по материалам газет и писем, ростом числа негативных явлений, связанных с русскими моряками. В значительной степени это отражало серьезные изменения, произошедшие в организации повседневной практики экипажей, которые выразились в количественном увеличении свободного времени, большей свободе принятия решений и снижением контроля со стороны командования и новых органов управления.

Новым явлением в этот период стало появление отдельных районов в столице Финляндии, где и концентрировались происшествия. Летом таким местом стали «Карпаты». По-видимому, стоит согласиться с мнением Е.Ю. Дубровской, высказавшей мысль, что за этим названием скрывалось не какое-то одно конкретное место, а «безлюдные скалы в окрестностях города» [1, с. 80]. Если в воспоминаниях Д.И. Иванова «Карпаты» до революции помещались в Брунс-парке, то Т. Липпик в своих воспоминаниях о днях революции в Гельсингфорсе указывал на их положение в северной части города, по соседству с парком Кайсаниеми, то есть в районе Тёлё [2, с. 173; 3, л. 10 об]. Однако летом 1917 г. авторы многочисленных заметок, статей связывали это место с районом Сёрнес, то есть с северо-восточными окраинами города [4; 5; 6; 7]. Невозможность сохранения «Карпат», этого маргинального «периферийного центра», в прежних районах объясняется активным их освоением и включением в перечень официально осваиваемых мест. Так, в Брунс-парке была помещена могила «борцов за свободу», а в Кайсаниеми профсоюзы финляндских рабочих стали проводить свои праздники. Вероятно, отдельные случаи, позволившие характеризовать «Карпаты» как «место дебошей, пьянства и насилия над женщинами», стали происходить еще в мае. На эту мысль наводит принятое матросскими депутатами Совета 7 июня постановление с просьбой к Центробалту о выделении дополнительных обходов с кораблей в период с 19 ч. 30 мин. до отхода последних шлюпок, то есть до 1 ч. 30 мин. ночи. Однако в ЦКБФ решили передать решение вопроса общему собранию Совета, который никакого решения по существу не принял, предоставив бороться секции охраны народной свободы [8; 9].

Судя по негодующим заметкам в прессе, уже к началу июля «Карпаты» быстро разрастались, приобретая черты стихийного базара. Баталер И. Комаров, разыскивавший своего товарища, открывшего там некое «дело», делился впечатлениями: «на пути <от кольца трамвая до «Карпат»> игра, здесь – в орла <орлянку>, дальше – в карты, везде ругань и брань площадная» [10]. Некоторое представление о масштабах дал в своем письме в редакцию «Волны» секретарь судового комитета линейного корабля «Республика» А. Лебедев. По его словам, «стати-

стика по числу игравших в карты на 11 июля <28 июня> была следующей: с 1-й бригады линейных кораблей он насчитал 72 чел., с трех линкоров 2-й и со 2-й бригады крейсеров – по 65 [11]. При этом он не указал ни одного случая, относящегося к небольшим кораблям. Полагаем, что это связано с их более активным использованием в этот период на театре военных действий и отсутствием в Гельсингфорсе.

Однако «Карпаты» представляли собой и место торговли. Если поначалу спиртное покупали на соседних улицах, то в июле началась его продажа непосредственно возле игроков [12]. Активно торговали продуктами. Матрос с «Инженер-механика Дмитриева» Э. Андриг от имени одного из участников едко описывал: «Здесь у нас всегда хватает Кали-мали <килью – смесь пива и спирта> и ханжи. Пирог, селедки, яйца, Огурцы и колбаса, Спички, квас и папиросы Здесь имеются всегда!» [13].

О продаже также пива и лимонада писали и другие авторы. Разумеется, цены были гораздо выше городских. И. Комаров сообщал, что напитки продавались по цене 1 марка за бутылку, по той же цене за штуку можно было приобрести вареные яйца. Особенное возмущение автора вызвала стоимость хлебобулочных изделий. Так, булка стоила 2 марки, что было дороже чем в Гельсингфорсе в 4 раза, а ватрушка – 1 марку 25 пенни, то есть в 12,5 раз [14]. Все это изобилие резко контрастировало с ужесточением карточных норм в столице Финляндии. Торговлей занимались представители различных групп. Были в их числе и моряки. Так, И. Комаров отмечал, что видел там значительное количество бывших сверхсрочнослужащих, уволенных весной-летом 1917 г. А. Лебедев, что «всем заправлял один матрос с ленточкой “Полтава”, второй, его помощник, с ленточкой “Копчик” и человек пять солдат» [15; 16]. Заработки на «Карпатах» составляли, по мнению авторов писем и заметок, от 30 до «двухсот и более» марок в день [17, с. 99; 18; 19; 20].

Другим местом, где матросы проводили время, стал так называемый Еврейский рынок. Он размещался на углу Семёновской и Анненской улиц, близ Абосских казарм. Первые упоминания об активной торговле относились к началу июня 1917 г. Изначально там продавали и обменивали, в основном, предметы обмундирования. Солдат-артиллерист И. Харламов сообщал в своем письме в «Известия», что торговля шла сапогами, шароварами, флотскими фуфайками и солдатскими гимнастерками [21]. В следующем номере появился Приказ № 3 Гельсингфорского совета, запрещавший военным заниматься этим «позорным и предательским делом» [22]. Однако, как и в случае с «Карпатами», справиться с ростом такой «коммерческой» деятельности русских военных не удалось. В конце июня артиллерист А. Чековский отметил в своей заметке с говорящим названием «Не внемлют», что Еврейский рынок по-прежнему процветает. Он сообщил, что цены на нем весьма высоки, но приобрести можно практически любой элемент военной экипировки и даже оружие [23]. По-видимому, речь могла идти о том оружии, которое было изъято у офицеров в мартовские дни и затем не было возвращено, попросту исчезнув. Органы контрразведки в Финляндии в своей сводке в Центральную морскую регистрационную службу МГШ от 30 июня сообщали, что «некоторые рабочие покупают оружие у солдат и матросов. Последние продавали револьверы... по 100 финских марок за штуку» [24, л. 4]. В те же дни очевидец сообщал о дальнейшем разрастании рынка. Спектр продаваемых товаров тоже увеличился. Кроме обмундирования и военной экипировки там можно было приобрести часы, белье, носки, ткани, кожу. Можно было встретить и продукты, особенно сахар. Кроме покупки различные товары можно было и выменять [25].

Постепенно в летние месяцы отмечалось распространение маргинализации форм досуга. Прежде всего, это выразилось в распространении тех форм и правил поведения, которые были типичны именно для «Карпат». Этому способствовало появление в центральной части города новых притонов. Один открылся на Кронохольмской ул., 1, близ морских казарм, другой – на Александровской ул. Матрос с заградителя «Шексна», писавший под псевдонимом «Егор», так иронично передал его атмосферу: «управление там чисто демократическое, товарищеский суд, полноценный отдых, когда захочешь, и труд по желанию». По-видимому, основным способом «отдыха» было пьянство, так как далее автор упоминал, что в этой «новой части света» любой желающий мог получить в любое время суток пару банок «вежеталя» или одеколону [26].

Ввиду увеличения доступности алкоголя и его заменителей, моряки стали чаще появляться в нетрезвом виде на центральных улицах города. Уже 8 июня в «Известиях» было перепечатано обращение губернатора Нюландской области к русским военным властям из шведоязычной «Huvudstatsbladet» с просьбой «повлиять на свои части, ставшие в последнее время участниками многочисленных происшествий». Речь шла, в том числе, и о пьяных. 8 июня группа матросов освободила двоих нетрезвых моряков, задержанных милиционерами возле памятника Й. Рунебергу [27; 28]. 16 июня пьяный матрос, зашедший в магазин близ порта, где продавались так называемые «колониальные» товары, услышав замечание хозяина, ударил того пу-

стой бутылкой по голове и, похитив около 700 марок, ушел [29]. О появлении большого количества пьяных матросов после демонстрации 18 июня на Эспланаде сообщал в своем письме матрос с крейсера «Россия» М.С. Соловов [30]. Там же в ночь на 29 июня милиционерами было задержано около 30 моряков [31]. В течение июля-августа проблема решенной отнюдь не выглядела. Скорее, наоборот, в ее изображении в газетных материалах появилась некоторая привычная обреченность, которая проявилась в ставшем практически стереотипным обозначении количества пьяных как «несколько десятков». Так, на «десятки несознательных товарищей», которые «позорят наш флот, шатаясь пьяными в центре» указывал матрос Щербаков [32]. Так же оценивал количество задерживаемых моряков и автор заметки «Бурьян человеческий» И. Ковалев 8 июля [33].

Росло и количество случаев, когда моряки оказывались участниками различных конфликтов, закономерным итогом которых становилась драка. Стоит отметить, что громкие случаи, о которых сообщали письма и газеты, происходили в основном между моряками и местным населением. М.С. Соловов сообщал о часто вспыхивавших драках между финнами и пьяными русскими матросами и солдатами, которые ловили женщин, загораживали им дорогу, «не считаясь даже с мольбами последних». Причем происходило это и вблизи рабочих кварталов, и в центре, на Эспланаде [34].

По-видимому, фривольность в обращении с местными уроженками летом 1917 г. моряки стали позволять себе все чаще. И если в весенние месяцы упоминаний о преследовании женщин мы не обнаружили, то летом такая практика получила распространение. Помимо приведенных случаев об этом свидетельствует и заметка матроса А.Я. Сиппельгаса «В защиту женщины», в которой он с негодованием писал, что подобное поведение является «попранием немеркнувшей Великой Свободы» [35]. Своеобразный «взгляд с другой стороны» представил анонимный автор, подписавшийся «Б.» В начале июля в редакцию «Известий Гельсингфорского совета...» он прислал письмо. Автор сообщил, что написать его побудили статьи в предыдущих номерах, посвященные поведению русских военных по отношению к финкам. Далее он констатировал, что «в Гельсингфорсе проституток развелось очень много» и, чтобы выделить из всей массы «честных женщин», нужно выдать им опознавательный знак. В качестве одного из вариантов он предложил белую ленту. Затем через газеты нужно было официально оповестить об этом население [36, л. 33–34]. Таким образом, вину за складывавшуюся ситуацию автор переложил на местное население и, по сути, на него же возложил необходимость ее разрешать. Видимо, подобный подход оказался более подходящим, так как стали появляться сообщения о нападениях на женщин. Таких случаев нами было выявлено три. Два из них произошли в парке Кайсаниеми. 14 июля вечером там подрались несколько матросов и женщин [37]. 6 августа возле здания Финского театра, замыкавшего с севера Железнодорожную площадь, по сообщению «Известий», матрос стал приставать к девушке, требуя его проводить. Вскоре к нему присоединились несколько солдат. В результате финке ничего не оставалось, как бежать в расположенный поблизости Кайсаниеми. От преследования ей удалось спастись, бросившись в воду [38]. Еще один случай произошел днем 23 июля на Эспланадном бульваре. О нем сообщил в редакцию матрос береговой роты Минной обороны А. Новиков. Он со своим сослуживцем сидел на скамье, когда к соседней лавке, где отдыхали две девушки-финки, подошел матрос с миноносца «Боевой» и попытался силой одну из них увести. Лишь помощь автора с товарищем, доставившего буяна в секцию охраны народной свободы, позволила обойтись без насилия [39, л. 28–29]. Три дня спустя в «Известиях Гельсингфорского совета...» вышло обращение к судовому комитету корабля, где служил напавший матрос с призывом разобраться [40]. А. Новиков в своем письме искренне возмущался, как могут свободные граждане так не соблюдать гражданские права других. Однако, воспринимая революционную пору как новое время, матросы, зачастую, считали для себя необязательными и старые нормы поведения, воспринимая их как ограничение своих прав.

Отмечено несколько случаев, когда матросы стали пользоваться «господским транспортом» – автомобилями, в том числе такси. 3 июня матрос с «Громобоя» Д. Осипов отказался платить шоферу 50 марок за проезд. Аналогичный случай произошел 15 июля, когда два неизвестных моряка с миноносца «Выносливый», доехав из центра до Абосских казарм, не только не заплатили, но и, угрожая ножом, забрали у водителя 100 марок. В некоторых случаях нарушались правила дорожного движения. 8 июня автомобиль с матросами въехал на Эспланадный бульвар и дважды объехал памятник Й. Рунебергу [41].

Постепенно нежелание соблюдать ограничения отражалось и на центральных городских улицах. С одной стороны, оно проявилось в распространении противоправных занятий. Матросы-картежники, не удовлетворяясь «Карпатами», постепенно стали располагаться на улицах и в скверах столицы Финляндии. 20 июня один из читателей «Известий Гельсингфорского сове-

та...» констатировал, что «картежники делаются все смелее», заметив их появление возле «одного из центральных кинематографов», где они, никого не таясь, играли [42]. 8 июля пятерых матросов не смогли заставить уйти из парка Кайсаниemi даже милиционеры [43].

Символом новых стереотипов мышления и поведения стало санитарное состояние самих улиц. Если весной Гельсингфорс приводили в плане чистоты в пример другим городам и гарнизонам [44], то 18 июня «Известия Гельсингфорсского совета...» опубликовали письмо минера В. Агапитова с миноносца «Резвый», прибывшего в краткосрочный отпуск. В частности, он писал: «Мне никогда не приходилось видеть до переворота финна, матроса или солдата, сидящих на краю бассейна у фонтана Фантазии <на бульваре Эспланада> или на Торговой площади г. Гельсингфорса и грызущих беспощадно семечки, что дает обильные груды мусора», задаваясь далее вопросом: «Неужели мы для того получили свободу, чтобы могли безнаказанно нарушать чистоту и порядок свободной Финляндии?» [45]. И, словно бы возражая, уже в следующем номере этой же газеты некто «Д.Н.» представил семечки скорее позитивным символом наступившей свободы в стихах о демонстрации 18 июня: «А кругом всё лица, лица И болтают, и глядят, И матросы, и девицы, Вся Финляндия столица... Вкусно семечки хрустят» [46].

Однако мусор стал появляться на улицах города не только из-за семечек. На тех местах, где проводились митинги, то есть на центральных площадях, или там, где имели привычку собираться русские военные, постоянно оставались окурки и другой мусор. Одним из них стала Эспланада и, особенно, памятник Й. Рунебергу. Типичную, на его взгляд, картину описал некий «Наблюдатель»: «На аллее с памятником Рунебергу стояла группа матросов и солдат, всего 5 человек, которая слушала какого-то оратора. Земля, по милому русскому обычаю, забросана папиросными коробками и бумагой» [47]. О «невероятной замусоренности» Гельсингфорса вспоминал и начальник 1-й бригады крейсеров контр-адмирал В.К. Пилкин, приехавший в город на совещание к командующему флотом в начале августа [48]. С неодобрением реагировала на такие элементы революционной жизни и местная пресса, причем не только скептически настроенный «Huvudstatsbladet», но и социал-демократический «Tuómies». Помимо грязи на улицах, местное население было недовольно и вытаптыванием травы и цветов в городских парках [49]. О печальном состоянии травы и деревьев в Брунс-парке, даже рядом с могилой «жертв революции» еще в начале июня писал и неизвестный «приезжий матрос» [50]. Специальным Приказом № 6 4 июля Гельсингфорсский совет предписывал наказывать за «срыв цветов, сучьев, листьев в общественных садах и парках» [51]. Однако, судя по недовольству местных газет, это распоряжение, как и остальные, выполнялось далеко не всегда.

Ссылки:

1. Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008.
2. Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965.
3. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771.
4. Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее - Известия). 1917. № 72. 11/24 июня.
5. Известия. 1917. № 74. 14/27 июня.
6. Известия. 1917. № 91. 5/18 июля.
7. Известия. 1917. № 93. 7/20 июля.
8. Известия. 1917. № 74. 14/27 июня.
9. Известия. 1917. № 70. 9/22 июня.
10. Известия. 1917. № 93. 7/20 июля.
11. Волна. 1917. № 77. 17/4 июля.
12. Известия. 1917. № 76. 16/29 июня.
13. Известия. 1917. № 119. 6/19 августа.
14. Известия. 1917. № 93. 7/20 июля.
15. Там же.
16. Волна. 1917. № 77. 17/4 июля.
17. Иванов Д.И. Указ. соч.
18. Известия. 1917. № 93. 7/20 июля.
19. Известия. 1917. № 70. 9/22 июня.
20. Волна. 1917. № 77. 17/4 июля.
21. Известия. 1917. № 71. 10/23 июня.
22. Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее - Известия). 1917. № 72. 11/24 июня.
23. Известия. 1917. № 80. 21 июня/4 июля.
24. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 549.
25. Известия. 1917. № 87. 29 июня/12 июля.
26. Известия. 1917. № 77. 17/30 июня.
27. Известия. 1917. № 76. 16/29 июня.
28. Huvudstatsbladet. 1917. 18 juni.
29. Известия. 1917. № 78. 18 июня/1 июля.
30. Известия. 1917. № 79. 20 июня/3 июля.

31. Известия. 1917. № 89. 2/15 июля.
32. Волна. 1917. № 73. 11 июля/28 июня.
33. Известия. 1917. № 94. 8/21 июля.
34. Известия. 1917. № 79. 20 июня/3 июля.
35. Известия. 1917. №82. 23 июня/6 июля.
36. РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21.
37. Известия. 1917. № 101. 16/29 июля.
38. Известия. 1917. № 120. 8/21 августа.
39. РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 21.
40. Известия. 1917. № 109. 26 июля/8 августа.
41. Известия. 1917. № 76. 16/29 июня.
42. Известия. 1917. № 84. 25 июня/8 июля.
43. Известия. 1917. № 101. 16/29 июля.
44. См.: Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции. 1917. № 5. 7 апреля.
45. Известия. 1917. № 78. 18 июня/1 июля.
46. Известия. 1917. № 79. 20 июня/3 июля.
47. Известия. 1917. № 91. 5/18 июля.
48. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 7. Оп. 7. Д. 2. Л. 50.
49. См.: Huvudstatsbladet. 1917. 9 juli; Työmies. 1917. 24 heinäkuu.
50. Известия. 1917. № 69. 8/21 июня.
51. Известия. 1917. № 90. 4/17 июля.

References (transliterated):

1. Dubrovskaya E.Y. Rossiyskie voennosluzhashchie i naselenie Finlyandii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918). Petrozavodsk, 2008.
2. Ivanov D.I. Eto bylo na Baltike. L'vov, 1965.
3. Rossiyskiy gosudarstvenniy arkhiv voenno-morskogo flota (dalee – RGAVMF. F. 431. Op. 1. D. 771.
4. Izvestiya Gel'singforskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh (dalee - Izvestiya). 1917. № 72. 11/24 June.
5. Izvestiya. 1917. № 74. June 14/27.
6. Izvestiya. 1917. № 91. July 5/18.
7. Izvestiya. 1917. № 93. July 7/20.
8. Izvestiya. 1917. № 74. June 14/27.
9. Izvestiya. 1917. № 70. June 9/22.
10. Izvestiya. 1917. № 93. July 7/20.
11. Volna. 1917. № 77. July 17/4.
12. Izvestiya. 1917. № 76. June 16/29.
13. Izvestiya. 1917. № 119. August 6/19.
14. Izvestiya. 1917. № 93. July 7/20.
15. Ibid.
16. Volna. 1917. № 77. July 17/4.
17. Ivanov D.I. Op. cit.
18. Izvestiya. 1917. № 93. July 7/20.
19. Izvestiya. 1917. № 70. June 9/22.
20. Volna. 1917. № 77. July 17/4.
21. Izvestiya. 1917. № 71. June 10/23.
22. Izvestiya Gel'singforskogo Soveta deputatov armii, flota i rabochikh (dalee - Izvestiya). 1917. № 72. June 11/24.
23. Izvestiya. 1917. № 80. June 21 / July 4.
24. RGAVMF. F. 418. Op. 1. D. 549.
25. Izvestiya. 1917. № 87. June 29 / July 12.
26. Izvestiya. 1917. № 77. June 17/30.
27. Izvestiya. 1917. № 76. June 16/29.
28. Huvudstatsbladet. 1917. 18 juni.
29. Izvestiya. 1917. № 78. June 18 / July 1.
30. Izvestiya. 1917. № 79. June 20 / July 3.
31. Izvestiya. 1917. № 89. July 2/15.
32. Volna. 1917. № 73. July 11 / June 28.
33. Izvestiya. 1917. № 94. July 8/21.
34. Izvestiya. 1917. № 79. June 20 / July 3.
35. Izvestiya. 1917. №82. 23 June/6 July.
36. RGAVMF. F. r-315. Op. 1. D. 21.
37. Izvestiya. 1917. № 101. July 16/29.
38. Izvestiya. 1917. № 120. August 8/21.
39. RGAVMF. F. r-315. Op. 1. D. 21.
40. Izvestiya. 1917. № 109. July 26 / August 8.
41. Izvestiya. 1917. № 76. June 16/29.
42. Izvestiya. 1917. № 84. June 25 / July 8.
43. Izvestiya. 1917. № 101. 16/29 July.
44. See: Izvestiya Soveta deputatov armii, flota i rabochikh Abo-Olandskoy ukreplennoy pozitsii. 1917. № 5. April 7.
45. Izvestiya. 1917. № 78. June 18 / July 1.
46. Izvestiya. 1917. № 79. June 20 / July 3.
47. Izvestiya. 1917. № 91. July 5/18.
48. Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'e». F. 7. Op. 7. D. 2. L. 50.
49. See: Huvudstatsbladet. 1917. 9 juli; Työmies. 1917. 24 heinäkuu.
50. Izvestiya. 1917. № 69. June 8/21.
51. Izvestiya. 1917. № 90. July 4/17.